ДЫХАНИЕ НА ДВАДЦАТЬ ДВЕ ТЫСЯЧИ

СОЛНЦЕВА М.В.

Маргарита Солнцева

Дыхание на двадцать две тысячи

«Автор»
2026

Солнцева М. В.

Дыхание на двадцать две тысячи / М. В. Солнцева — «Автор», 2026

Ася Гурьева четыре года сидит за кассой в отделении банка на улице Кузнечной и знает про деньги одно: их всегда не хватает. В последний час пятницы к её окну садится старуха в сером платке, снимает со счёта две тысячи двести двадцать два рубля и оставляет конверт — а через минуту Ася обнаруживает, что умеет выдыхать деньги. Купюры настоящие: их принимают аппараты, их берут магазины. Они только ничем не пахнут — и на них, если подышать, проступают чужие последние слова. За каждый выдох кто-то в городе остаётся без воздуха. И у Аси сорок дней, чтобы вернуть всё назад.

© Солнцева М. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Сюжет 5
Глава 1. Последняя клиентка 6
Глава 2. Деньги не пахнут 10
Глава 3. Пятая банка 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Маргарита Солнцева
Дыхание на двадцать две тысячи

Сюжет

Ася Гурьева, двадцать четыре года, кассир в отделении 4 города Клюева. Мать с астмой, шестнадцатилетний брат с тем же диагнозом, кредит за отца, которого лечили три года и не вылечили. В пятницу четырнадцатого марта последняя клиентка, Прасковья Ильинична Тихонова, снимает со счёта две тысячи двести двадцать два рубля, говорит кассирше: «И один вдох» и оставляет конверт. В ту же ночь Ася, задержав дыхание у открытого окна, выдыхает в ладонь сторублёвку. Купюра не пахнет, не горит и не имеет следов; секунда задержки равна ста рублям, и Ася быстро учится держать дыхание долго. Деньги идут на лекарства, на кредит, на кислородный концентратор для матери — и одновременно в городе начинают пропадать голоса: люди дышат, но не могут говорить. Пульмонолог Кирилл Наумов считает их, не понимая причины. Из дневника Прасковьи и тетради старшего кассира Нины Петровны Ася узнаёт правила: воздух не берётся из ниоткуда, он приходит от того, кто рядом дышит; вернуть его можно только выдохом в лицо тому, у кого взял; на всё — сорок дней, после чего голос уходит первым. Управляющий отделением Гурий Аркадьевич Сомов собирает дыхание в стеклянные банки и называет это резервом. Прасковья не вернула долг за пятьдесят семь лет и передала его Асе вместе с конвертом. Чтобы расплатиться, Асе придётся обойти полгорода, встретиться с теми, кто не хочет получать своё обратно, и заплатить единственным, чего у неё не было в избытке, — собственным дыханием. В ноябре к отделению приходит женщина из Вязников с плоским ключом и запиской: «Отдай той, что за окном номер два». За ключом — камера хранения, за камерой — двенадцать банок без имён и последний долг, который Асе придётся вернуть уже без выгоды для себя.

Главные герои: Анастасия Гурьева — кассир, 24 года, восемь минут без воздуха в детстве, из них четыре — подо льдом; Тамара Сергеевна Гурьева — мать, астма и сердце, вахтёр в школе; Тимур Гурьев — брат, 16 лет, астматик и хоккеист; Прасковья Ильинична Тихонова — старуха в сером платке, кассир отделения 4 в 1968 году, та, кто передала дар; Нина Петровна Ковалёва — старший кассир, 34 года стажа, хранитель тетради; Гурий Аркадьевич Сомов — управляющий отделением; Кирилл Наумов — пульмонолог, который считает «тихих» и не верит в мистику; Лиза Швец — подруга, оценщик в ломбарде; Григорий Соломонович Бабкин — бывший фельдшер, держатель «общества взаимного дыхания»; Оля — молодая дышащая, которая выбрала не возвращать.

Глава 1. Последняя клиентка

В отделении банка на улице Кузнечной, одиннадцать, пахло мокрой штукатуркой, кофе из автомата и казённой бумагой. Ася Гурьева за четыре года выучила этот запах так же хорошо, как собственный: если штукатурка перебивает кофе — значит, опять протекает крыша над архивом, и Сомов будет три дня ходить по коридору с лицом человека, у которого украли что-то личное.

В пятницу четырнадцатого марта очередь была длинная и злая. Люди приходят в банк в последний час пятницы, как в последний вагон: уже не выбирая, к кому, лишь бы успеть.

Ася сидела за окном номер два. Окно номер один занимала Нина Петровна Ковалёва — тридцать четыре года стажа, голос как у диктора и та особенность, что она никогда не ошибалась в счёте, даже когда не смотрела на клавиатуру.

— Двадцать шесть тысяч двести, — говорила Нина Петровна. — Купюрами? У нас двадцатки. Двадцатки вас устроят?

Ася листала паспорт очередного клиента и считала не деньги, а людей. Это была её личная привычка, почти профессиональная болезнь: за четыре года она научилась определять, зачем человек пришёл, ещё до того, как он открывал рот. Кто-то приходил за деньгами. Кто-то — за тем, чтобы ему объяснили, что делать. Кто-то — просто чтобы на него посмотрели, потому что дома никто не смотрел.

В 17:40 в отделении остались шесть человек и охранник Серёга, который смотрел на дверь с видом человека, который дожил до пятнадцати минут до окончания смены и не намерен их потерять.

Потом остались четыре.

Потом одна.

Она села к окну медленно, как садятся в кресло у врача, и Ася механически отметила четыре вещи. Пальто было старое, но хорошее, из тех, что переживают три моды и остаются приличными. Платок — серый, в мелкую клетку, завязан под подбородком так аккуратно, как завязывают женщины, которые всю жизнь следили за собой и не считали, что старость — повод перестать. Руки лежали на бархате подоконника, ладонями вниз, и не двигались.

И пахло от неё не «пожилым человеком», как пахнет от стариков, а ничем. Совсем ничем. Ася потом будет вспоминать это ощущение очень часто: человек сидит напротив, дышит, двигается — и не пахнет. Для кассира, который восемь часов в сутки нюхает чужие купюры и чужие пальто, это было как услышать тишину.

— Добрый вечер, — сказала Ася. — Что вы хотите сделать?

— Снять, — сказала старуха.

Голос был тихий, но не слабый. Такой голос не проваливается, а остаётся в комнате, как след на стекле.

— Сколько?

Старуха достала сберкнижку. Не картонную книжечку — пластиковую карту в прозрачном конверте. И положила рядом листок, вырванный из блокнота, с цифрой, написанной крупно, синими чернилами:

2 222

— Две тысячи двести двадцать два рубля, — прочитала Ася. — Купюрами?

— Купюрами.

Ася проверила паспорт. Прасковья Ильинична Тихонова, тридцать восьмой год рождения. Прописка — Кузнечная, девять, квартира двенадцать. Это два квартала отсюда, почти напротив.

— Две тысячи двести двадцать два, — повторила Ася, чтобы заполнить паузу, — рубля сорок копеек остаётся на счёте. Всё верно?

— Верно.

— Вам выдать?

— Выдайте.

Ася отсчитала. Три тысячи? Нет: две пачки по тысяче, двести, двадцать, два. Получилось ровно. Купюры она пересчитала дважды, по привычке, перекладывая с сухого на сухой, и в конце сказала:

— Пересчитайте, пожалуйста.

Старуха не пересчитала. Она сгребла деньги в ладонь, зажала в кулаке, будто держала что-то живое, и сказала:

— И один вдох.

Ася подняла глаза.

— Простите?

— Один вдох, — повторила старуха спокойно, будто просила копейку сдачи. — Мне не в счёт. По факту.

— Я не понимаю, — сказала Ася, и это была чистая правда. — У нас нет такой операции.

Старуха посмотрела на неё внимательно, и Ася впервые за смену почувствовала, что на неё смотрят не как на стекло с прорезью, а как на человека. У старухи были светло-серые глаза, почти прозрачные, и зрачки, кажется, чуть расплывшиеся по радужке — как бывает у стариков и у тех, кто много времени провёл в темноте.

— У нас всё есть, — сказала старуха. — Просто не всё в открытой части.

Она собрала деньги, положила их во внутренний карман пальто, встала и — Ася это увидела, потому что смотрела прямо на неё — вдохнула. Не так, как дышат в очереди: коротко, поверхностно. Старуха вдохнула полной грудью, медленно, до самого дна, и выдохнула в сторону, в потолок, так, что занавеска на окне шевельнулась.

Занавеска не должна была шевелиться. Окно номер два выходило в коридор, там не было сквозняков — Ася сама три зимы заклеивала эти рамы.

Старуха ушла.

И только через полторы минуты, считая деньги в кассе и выравнивая пачки, Ася заметила на бархате подоконника конверт. Простой, белый, чуть желтоватый, без надписи.

Она не должна была выходить из-за стекла. По инструкции всё найденное на рабочем месте описывается и сдаётся Сомову. Ася четыре года сдавала Сомову всё: забытые очки, забытую перчатку, один раз — вставную челюсть, из-за которой отделение жило в шутках полтора месяца.

Она не сдала конверт.

Она догнала старуху на крыльце. Та стояла под козырьком, смотрела на улицу, где шёл мартовский снег с дождём, и не торопилась уходить.

— Прасковья Ильинична! Вы забыли.

Старуха обернулась и посмотрела на конверт так, как смотрят на мебель, которую вынесли на свалку и которая уехала за вами. Без удивления.

— Не забыла, — сказала она. — Это тебе.

— Мне не нужно.

— Нужно, — сказала старуха. — Ты же дышишь как я.

Ася стояла на крыльце в тонком пальто, с конвертом в руке, и думала, что надо либо отдать это Сомову, либо выбросить. Ветер бросил ей в лицо мокрый снег. Где-то за спиной охранник Серёга закрывал отделение на ключ.

— А что в конверте? — спросила она.

— Твоё, — сказала старуха. — Я его пятьдесят семь лет носила. Уж теперь-то ты подержи.

Она сходила с крыльца медленно, ступенька за ступенькой, и на последней остановилась:

— Ася.

Она не спрашивала имя. Она его знала.

— Что? — только и сказала Ася.

— Первые сорок дней не трать, — сказала старуха. — Потом всё равно потратишь. Тогда считай.

— Я не понимаю.

— И хорошо, — сказала Прасковья Ильинична. — Пока не понимаешь, ты человек.

Она ушла вниз по Кузнечной, к перекрёстку, где стояла остановка, и Ася смотрела ей вслед, пока серая спина не растворилась в мокром снегу. Ветер был сильный, а следов на тротуаре не осталось: не было видно, куда старуха ступала.

* * *

Домой Ася ехала на семёрке. В автобусе пахло мокрой обувью и жареными семечками; на заднем сиденье спал человек в камуфляже, на среднем — две девочки держались за одну палку и хихикали.

Конверт лежал в сумке и весил, кажется, больше, чем все документы отделения за день.

Дома было темно и тепло — январь делал, что хотел, а батареи делали вид, что отопление выключили. Мать спала у себя с открытым для астмы окном — так она спала последние двенадцать лет, при температуре не выше девятнадцати: если закрыть, станет легче, а если открыть, станет легче ей. Ася закрыла окно на одно положение, проверила, не дышит ли мать, и прошла к себе.

Она долго не решалась открыть конверт. Поставила чайник, потом выключила, потом включила снова. Конверт лежал на столе, белый, обычный, с тоненькой жёлтой полоской клея.

Внутри был ключ.

Маленький, плоский, с треугольной головкой, потемневший от времени, как бывает у ключей от ящиков в старых письменных столах. К ключу была привязана ниткой картонка. На картонке — одна фраза, написанная крупным старым почерком, с наклоном вправо, без запятых:

«Всё, что ты выдохнешь — тебе. Начни с малого».

Ася повертела ключ в пальцах. Нет, не квартирный, не от подвала, не от почтового ящика — такие ключи делают от внутренних ящиков, от шкатулок, от того, что нужно прятать в доме.

Ключ был холодный. Через минуту в её руке он стал тёплым — и это было единственное, что в тот день подчинялось обычным законам.

Она легла спать и не спала.

* * *

Ночью её разбудил кашель. Мать кашляла в стену, часто, длинными сериями, и Ася уже вставала, чтобы идти за ингалятором, когда всё стихло. Тишина в квартире после материнского кашля была ещё хуже: она означала, что матери тяжело дышать, но она не хочет шуметь.

Ася встала и подошла к окну. Открыла раму — на улице было плюс два, таяло, с крыш падало.

Дышалось легко. Почему-то именно в эту ночь дышалось легко, хотя весь март она ходила в аптеку с аэрозолями и возвращалась с ощущением, что вдыхает вату.

Ася задержала дыхание.

Она не собиралась ничего делать. Просто стояла у открытого окна, смотрела на мокрый двор, на единственный фонарь и на человека, который в три ночи выгуливал собаку, и не дышала. Пять секунд. Десять. Двадцать. В голове началось движение, потом пришло тепло от ключиц к горлу, потом захотелось вдохнуть так сильно, что стало стыдно за себя.

Она выдохнула — в ладонь. Просто потому, что ладонь была ближе всего.

И в ладони оказалась купюра.

* * *

Ася включила свет. Наверное, она ждала, что это будет клочок бумаги, фантик, лист, вылетевший из-за рамы. Это была сторублёвка. Нормальная, ровная, не мятая: девочка на балконе с высоты птичьего полёта, красный росчерк, номер, очень мелкий текст.

Она не должна была там оказаться. В комнате не было денег — Ася знала это точно, у неё была привычка, доставшаяся от отца: ни одной купюры в спальне, всё в кошельке, кошелёк в сумке, сумка в коридоре.

Ася села на пол.

Потом сделала то, что делает любой кассир с деньгами, — проверила. Просветила фонариком телефона: водяные знаки на месте. Пощупала бумагу: плотная, шершавая, рельефная. Понюхала.

Купюра ничего не пахла.

Ни краски, ни бумаги, ни рук. Те сто, что лежали у неё в кошельке, пахли бумагой и чужими карманами — а эта пахла как пустая комната.

Ася взяла её за угол, поднесла к губам и подышала. Поднесла нарочно: всё равно же бред, всё равно же сон.

Буквы проступили снизу, там, где была белая треугольная пустота справа. Сначала как след от пальца на запотевшем стекле, потом отчётливо, ровным печатным шрифтом, будто их всегда там печатали:

«Тамара, открой окно».

Ася узнала голос. Она не «слышала» его — но узнала: это мать. Так мать говорила много лет назад, в детстве, ночью, когда не хватало воздуха: «Ася, открой окно. Ну что ты спишь».

Ася подняла голову и посмотрела на стену.

С той стороны стены было тихо.

Она отбросила купюру — хотела отбросить, а получилось аккуратно положить на подоконник, — и пошла в комнату матери.

Мать спала. Окно у неё было закрыто — Ася сама его прикрыла.

Ася поправила одеяло, села на край кровати и просидела так до утра, глядя, как за окном синеет и мокнет март.

Купюра осталась на подоконнике, и всю ночь Ася чувствовала её спиной. К утру она окончательно решила две вещи.

Первое: никому не рассказывать.

Второе: надо выяснить, что это, — но обязательно так, чтобы никто ничего не понял.

Глава 2. Деньги не пахнут

Утром в субботу Ася проснулась от того, что в квартире пахло блинами. Мать пекла блины, когда ей было хорошо, и это случалось примерно так же часто, как снег в мае.

— Ты чего? — спросила Ася, выйдя на кухню в одеяле.

— Дышится легко, — сказала мать. — С вечера как-то отпустило. Думала, к утру пройдёт, а оно держится.

Ася села за стол и стала смотреть, как мать выливает тесто на чугунную сковородку. Блины получались у неё тонкие, кружевные, и она всегда переворачивала их рукой, без лопатки, потому что «лопатка — для тех, у кого руки не тем местом приделаны».

— Ты хорошо спала? — спросила мать.

— Нормально.

— Всю ночь у окна стояла, я слышала.

Ася не стала врать.

— Открывала. Душно.

Мать посмотрела на неё, но ничего не сказала. В их доме давно было принято правило: если человек не хочет говорить, значит, ему это пока нужнее, чем тебе.

Тимур вышел к завтраку в наушниках и с телефоном в руке, сел, съел четыре блина и одиннадцать минут рассказывал про турнир в среду: дворовая команда, лёд на стадионе «Луч» заливают второй год, у них не хватает вратаря, и вообще, если бы он не задыхался на третьем периоде, его бы давно взяли.

— Тебе врач сказал до мая без нагрузок, — сказала мать.

— Я и не нагружаюсь, — сказал Тимур. — Я просто стою и дышу.

— Вот и стой.

Ася смотрела на брата и думала о купюре, которая лежала у неё на подоконнике. Ей было двадцать четыре года, и за эти годы она успела поработать официанткой, кондуктором и промоутером, но ни разу не работала так, чтобы за один выдох получать сто рублей.

Она пошла в свою комнату и закрыла дверь.

Беруши из телефона не нужны были: она и так знала, что никто не войдёт. Ася села на кровать, посмотрела на купюру, потом на секундомер в телефоне, и почувствовала себя глупо — как человек, который в двадцать четыре года всерьёз проверяет, не волшебник ли он.

Она задержала дыхание.

Десять секунд — легко. Двадцать — уже хочется. Тридцать — в ушах появляется ровный шум, как из ракушки. Сорок — перед глазами всплывает белое пятно, и где-то в груди начинает не хватать места.

На сорок пятой секунде она выдохнула.

Две купюры. Пятисотка и двухсотка. Плюс та, что была на подоконнике.

Ася смотрела на них и очень отчётливо, впервые за сутки, подумала: «А если меня сейчас стошнит?» — потому что первое, что делает человек с чудом, — это проверяет, не сошёл ли он с ума, а второе — опасается, что чудо закончится, если на него посмотреть прямо.

Она посмотрела прямо.

Деньги лежали на одеяле. Ничего не случилось.

Второй раз она задержала дыхание на двадцать секунд и получила тысячу. В третий — на десять, и получила сотню. Закономерность была очевидной, как арифметика в первом классе: одна секунда — сто рублей. Двадцать секунд — две тысячи. Сорок пять — четыре с половиной.

Ася посчитала в уме, сколько может задержать дыхание. В детстве, в бассейне, она держалась минуту сорок — тренер её за это хвалил. Сейчас, без тренировки, получалось трид-

цать-сорок секунд. Тридцать-сорок секунд — это три-четыре тысячи. За один раз. За минуту работы.

Она могла бы стать богатой через неделю.

Она честно, до конца, подумала эту мысль — и в тот же момент в комнату без стука вошёл Тимур.

— Ты чего сидишь как мышь? — спросил он и увидел деньги на кровати. — Ого. Откуда?

— Премия.

— За что?

— За переработку.

— В марте?

— В марте, — сказала Ася, и это «в марте» вышло у неё так спокойно, что она сама себе почти поверила.

Тимур взял пятисотку, повертел, посмотрел на свет. Он делал это не потому, что не верил, — он всегда так делал, потому что ему нравилось смотреть на водяные знаки.

— Какая-то она новая, — сказал он.

— Из банка, — сказала Ася.

— Пахнет ничем.

Ася забрала у него купюру.

— Тимур, иди ешь.

* * *

В аптеке на Кузнечной, в девяти минутах пешком, у неё взяли обе купюры и не спросили ничего. Детектор валют у аптекарши пикнул зелёным дважды. УФ-лампа под синим светом ничего не нашла: ни волокон, ни блеска — но и фальшивки не нашла тоже. Фальшивка светится или не светится неправильно; эта светилась ровно так, как нужно.

Ася купила матери бородуал и себе — то, за чем пришла на самом деле: упаковку пустых баночек для анализов. Тридцать штук, с завинчивающимися крышками, по шесть рублей.

— Вам для чего? — спросила аптекарша.

— Для опытов, — сказала Ася.

И это было первое честное слово за сутки.

* * *

Дома она поставила банки в ряд на подоконнике и стала думать, как проверить воздух. Мысль была простая: если деньги делаются из воздуха, значит, воздух уходит. Значит, его где-то становится меньше. Она не знала, как это измерить, и не знала, чем. Спичкой? Свечкой?

Она зажгла свечу на кухне и накрыла её банкой. Огонь горел. Ася посмотрела на него, потом на банку, потом задержала дыхание и выдохнула в банку — и в банке стало на секунду туманно, как на стекле в маршрутке.

Она закрыла банку крышкой и поставила на подоконник, к остальным.

Потом выдохнула в другую банку. Потом в третью.

К вечеру на подоконнике стоял ряд из шести банок, в каждой — по её выдоху, и в каждая подписанная: «10», «20», «30», «40», «45», «60». Шестьдесят секунд. На шестидесятой секунде она чуть не упала — в глазах потемнело, и пришлось сесть на пол, держась за батарею.

Шестьдесят секунд дали шесть тысяч. Шесть тысяч рублей за минуту.

Ася сидела на полу и смеялась — тихо, чтобы не услышала мать. Потом перестала.

Она вспомнила, что в ту ночь, когда она выдохнула первую сотню, во дворе остановился человек с собакой и долго стоял, держась за грудь. Она видела его из окна: мужчина лет шестидесяти, в куртке с капюшоном, собака тянула поводок, а он стоял и не мог идти. Потом пошёл. Медленно.

«Совпадение», — подумала Ася.

Она подумала это так, как думают люди, которые уже знают ответ и очень хотят, чтобы он был неправильным.

* * *

Вечером позвонила Лиза.

Лиза Швец работала оценщиком в ломбарде «Золотая жила» и знала про деньги всё, что можно узнать, не любя их.

— Ты знаешь, что у нас сегодня сдали? Перстень с изумрудом. Изумруд оказался стеклом, но красили его так, что я поверила. Представляешь? Я, Лиза Швец, поверила.

— Представляю.

— У тебя голос, как у завуча. Что случилось?

Ася посмотрела на шесть банок на подоконнике.

— Лиза, у тебя есть знакомый, который разбирается в фальшивках?

— У меня есть я.

— А если серьёзно?

— А если серьёзно, — сказала Лиза, — то в нашем городе есть только три человека, которые отличают настоящую купюру от принтерной. Один работает у нас, второй в банке у тебя, а третий — мой бывший муж, и к нему я тебя не пущу.

— А первый?

— Первый — это я, — сказала Лиза. — Приноси. Только не в отделение, а то меня уволят. И не говори, что это твои.

Ася положила трубку.

Она думала, что вопросы будут потом. Потом — это когда она разберётся, как это работает, и найдёт старуху, и узнает, что делать. Потом — это завтра.

Завтра было очень далеко.

* * *

В воскресенье у матери случился приступ.

Не сильный — так, «по мелочи», как она говорила: села на кровать, достала ингалятор, вдохнула дважды, потом ещё дважды, и лицо у неё стало серым, как мокрая бумага. Ася стояла рядом с телефоном в руке и смотрела на неё, и в голове было две мысли, как всегда: «Скорую?» и «Только бы она сама сказала».

Мать не сказала. Отдышалась.

— Это я вчера окно закрыла, — сказала она. — Не надо было.

Ася не стала говорить, что она сама его закрыла. Она пошла на кухню и налила воды, руки у неё дрожали, и она поставила стакан на стол так, чтобы не звенел.

В понедельник утром, собираясь на работу, она остановилась в дверях и сказала:

— Мам, я возьму подработку.

— В банке?

— Ещё одну. Вечером. Удалённо.

Мать посмотрела на неё внимательно, снизу вверх, как смотрят на человека, которого растили и который вдруг стал врать.

— Ася.

— Что?

— Ты по ночам не спишь. И окно открываешь. И деньги у тебя новые.

— Новые деньги — это хорошие деньги.

— Это-то и плохо, — сказала мать.

Ася ушла, не поцеловав её в щёку. Впервые за двадцать четыре года.

* * *

В отделении в понедельник было спокойно, как бывает спокойно в бане перед тем, как туда зайдёт человек с веником. Нина Петровна пересчитывала мелочь, Серёга смотрел в телефон, а Сомов стоял у окна с чашкой и смотрел в город.

Гурий Аркадьевич Сомов, управляющий отделением номер четыре, был человеком, к которому шёл вопрос «сколько вам лет». Он выглядел на пятьдесят с половиной и не выглядел на шестьдесят. Он говорил тихо, и в тишине его слышали все. Он никогда не повышал голос — даже когда в кассе не сходилось, даже когда приходила комиссия. И у него была одна особенность, которую Ася заметила на второй год работы, но тогда решила, что ей кажется: Сомов почти не дышал. То есть дышал, конечно, — но так, что под пиджаком ничего не двигалось.

— Анастасия Андреевна, — сказал он, не поворачиваясь. — Зайдите, когда освободитесь.

Она освободилась в 12:40.

В кабинете Сомов сидел за столом, и перед ним лежал лист — обычный лист формата А4, распечатка. На листе была таблица. В таблице — даты и суммы.

— У вас в пятницу прошло две операции по выдаче, — сказал он. — Одна у вас, одна у Нины Петровны. Всё нормально, я не про расхождение. Я про купюры.

— Про какие купюры?

— Про сто рублей, — сказал Сомов. — Которыми вы расплатились в аптеке на Кузнечной в субботу в 10:14. И про пятьсот, которые у вас приняли в аптеке в 10:15.

Ася почувствовала, как у неё уши становятся горячими.

— Вы следите за мной?

— Я смотрю отчёт по терминалам, выходящим на нашу защиту, — сказал Сомов. — Отчёт приходит раз в сутки. В нём нет имён, только адреса и суммы. Совпадение вычисляется за три минуты.

Он повернул лист к ней. Внизу, в графе «примечание», было напечатано мелко: «купюры с парным совпадением серии отсутствуют в базе выпуска».

— Что это значит?

— Это значит, — сказал Сомов, — что номера этих купюр не значатся ни в одной партии, выпущенной ЦБ за последние двенадцать лет. При этом они прошли все проверки. Они даже, я бы сказал, прошли их лучше, чем настоящие.

Он аккуратно, двумя пальцами, поправил лист.

— Анастасия Андреевна, вы работаете у меня четыре года. Я ни разу не заподозрил вас ни в чём. Я и сейчас не подозреваю. Я просто спрашиваю: откуда?

Ася смотрела ему в глаза и искала в них страх. Страха не было. Там было ровное, аккуратное, хорошо разложенное любопытство — как в аптеке, когда просят показать рецепт.

— Я вас не понимаю, — сказала она.

— Понимаете, — сказал Сомов.

Он встал, подошёл к сейфу, открыл его — Ася невольно заглянула и увидела полки, на которых стояли банки. Обычные стеклянные банки, литровые и пол-литровые, с завинчивающимися крышками, как в аптеке. На каждой была наклейка с датой и короткой надписью, сделанной от руки.

Он взял одну, посмотрел на неё и поставил обратно. Закрыл сейф.

— Я вам не враг, — сказал он. — Я вам даже не начальник. Но я тридцать два года в этом отделении, и я видел, как это начинается. Обычно это заканчивается плохо. Не потому, что кто-то злой. А потому, что все хотят жить.

— Что заканчивается плохо?

— Касса, — сказал Сомов. — Идите. И вот что: если вам предложат что-то продать, не продавайте. Если вам предложат что-то взять, не берите. Если вам предложат что-то вернуть — возвращайте сразу, не думая.

Ася вышла из кабинета и в коридоре прислонилась к стене.

В сейфе стояли банки. С наклейками.

Она узнала одну из них — потому что на ней было написано её собственной рукой, в субботу, шариковой ручкой, по трафарету:

«60».

Она не сказала Сомову про банки. Она вообще ничего ему не сказала.

И только к вечеру, уже дома, разбирая сумку, она поняла, что из шести банок на её подоконнике осталось пять.

Глава 3. Пятая банка

Банка с надписью «60» стояла в сейфе управляющего отделением номер четыре между банкой с надписью «12.03» и банкой, на которой не было ничего, кроме цифры «7».

Ася не спала почти всю ночь, но к утру пришла к выводу, который её успокоил: доказательств нет. Есть сейф, есть банки, есть бумажка с номерами купюр. Всё это можно объяснить: Сомов тридцать два года в банке, он мог собирать что угодно, а банку с надписью «60» мог поставить кто угодно и когда угодно.

— Ты сама в это веришь? — спросила она у своего отражения в зеркале в ванной.

Отражение молчало. Отражение вообще отличалось завидной деликатностью.

На работе она весь день косилась на дверь кабинета. Сомов вышел один раз — за кофе, — прошёл по коридору, и Ася впервые обратила внимание, как он идёт: ровно, без усилия, но с остановкой после каждых семи-восьми шагов. Останавливался он ровно на секунду и шёл дальше.

«Дышит», — подумала Ася.

Вечером она поехала на Кузнечную, девять.

Дом был старый, четырёхэтажный, с эркером на втором этаже и с той особенностью, что подъезды в нём нумеровались не с краю, а с середины. Ася нашла двенадцатую квартиру на третьем этаже, постояла перед дверью, обитой коричневым дерматином, и не позвонила.

Что она собиралась сказать? «Здравствуйте, вы дали мне ключ и научили выдыхать деньги»? «Вы умерли»?

Дверь открылась сама.

Не от её звонка — Ася не звонила. Дверь открылась изнутри, и в проёме стояла женщина лет шестидесяти, в халате и с веником.

— Вы к кому? — спросила она.

— К Тихоновой.

Женщина посмотрела на неё с той осторожностью, с какой смотрят на людей, которые приходят в дом, где недавно кто-то умер.

— А вы кто?

— Из банка, — сказала Ася и поняла, что это звучит хуже всего, что можно было сказать.

Женщина всё-таки посторонилась.

— Проходите. Только там не убрано. Племянница приедет в четверг, а я одна тут.

Квартира была маленькая, чистая до странности и очень тёмная — не потому, что не хватало света, а потому, что окно в комнате было завешено плотной шторой и заложено подушками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.